

Ю. В. Маханько

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Makhanko

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(410):930=811.111«19/20»

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ENGLISH-SPEAKING HISTORIOGRAPHY OF THE CULTURAL PREREQUISITES FOR THE BRITISH INDUSTRIAL REVOLUTION

В статье рассматриваются характерные черты культуры Великобритании, которые позволили ей стать родиной Промышленной революции. Среди них выделяются особенности общин религиозных диссидентов, Научная революция XVI–XVII вв., промышленное Просвещение и потребительская революция. На основании исследований англоязычных авторов можно сделать вывод, что Британская промышленная революция была результатом не только синергии экономических трендов, но и стремления части британской элиты модернизировать экономику при помощи прикладного знания.

Ключевые слова: промышленная революция; история Великобритании; англоязычная историография; экономическая история.

The article discusses the characteristics of the culture of Great Britain, which allowed it to become the birthplace of the Industrial Revolution. Among them, the features of religious dissident communities, the Scientific revolution of the 16th–17th centuries, the industrial Enlightenment and the consumer revolution stand out in particular. Based on the research of English-speaking authors, it can be concluded that the British Industrial Revolution was the result of not only the synergy of economic trends, but also the desire of a part of the British elite to modernize the economy with the help of useful knowledge.

Keywords: industrial revolution; British history; English-speaking historiography; economic history.

Современная англоязычная историография Британской промышленной революции определяет данный процесс как ускорение изобретения и внедрения в производство технологий. В связи с этим на первый план выходит проблема причин технологического прогресса в Соединенном королевстве XVIII – начала XIX в., значительная доля которых находится в области культурных факторов, ведь «экономика неотделима от культуры (в смысле совокупности поведенческих программ и стереотипов, передающихся через воспитание, подражание, обучение и формирующих особенностей того или иного общества)» [1, с. 133]. Кроме того, попытки построить универ-

сальную модель индустриализации для любой страны мира продолжают терпеть неудачу. В этих условиях утверждение, что Промышленная революция родилась именно в уникальных условиях Великобритании XVIII в. приобретает статус консенсуса. Таким образом, объяснить возникновение крупнейшего процесса в экономической истории данной страны, который в дальнейшем изменил весь мир, без исследования особенностей ее культуры невозможно.

Прежде всего стоит отметить тот факт, что «в Великобритании в 1760–1830 гг. на долю религиозных меньшинств и диссидентов, составляющих 7 % населения королевства, приходился 41 % ведущих предпринимателей и инноваторов» [2, с. 51]. Данный факт не случаен, и тенденция во многом была заложена еще XVI–XVII вв. Немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) объяснял это тем, что наиболее амбициозные представители религиозных меньшинств предпочитают реализовывать себя в коммерции, когда путь к государственной службе для них закрыт [3, с. 64–65]. В действительности, ряд актов английского Парламента, известный как «карательные законы», ограничивал право представителей неангликанских протестантских вероисповеданий проводить церковные службы, а также запрещал занимать государственные должности, но не стеснял их в экономической деятельности. При этом представители отдельных протестантских течений (кальвинизма, пиетизма, методизма и вышедших из анабаптистского движения сект) проявляли себя в предпринимательстве «как в качестве господствующего, так и в качестве подчиненного слоя населения» [3, с. 65, 136]. Сам автор объясняет это «протестантской трудовой этикой». По его словам, «мирская аскеза протестантизма со всей решительностью отвергла непосредственное наслаждение богатством и стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества. Вместе с тем она освобождала приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики, разрывала оковы, ограничивавшие стремление к наживе, превращая его не только в законное, но и в угодное Богу ... занятие» [3, с. 197]. Воззрения М. Вебера разделял английский христианский социалист Ричард Генри Тоуни (1880–1962), исследовавший становление капитализма под влиянием протестантизма на английском материале. «Дело было не в том, что религия была изгнана из практической жизни, а в том, что религия сама дала ей гранитный фундамент. ... Хороший христианин не был антонимом экономического человека» [4, р. 253]. Идеи М. Вебера и Р. Тоуни стали фундаментом для пересмотра экономической истории в контексте роли религиозного фактора.

С момента публикации труда М. Вебера прошло более столетия, и концепция протестантской трудовой этики продолжает обсуждаться [5; 6]. Современные исследования статистических данных, которые обобщил в 2020 г. профессор Норвежской школы экономики Ола Хоннигдал Гриттен

(род. в 1964), подтверждают теорию М. Вебера. Они показывают, что протестантские страны после 1600 г. имели значительно более высокие показатели в ВВП на душу населения [7, р. 5].

Немаловажную роль в распространении передовых технических знаний сыграли беженцы-гугеноты. Так, по подсчетам Уоррена Сквилла (1913–1969), профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, около 40–50 тысяч гугенотов из Франции осели в Англии между 1680-м и 1720-м гг. [8, р. 409]. Правительство «приветствовало их и предоставило всевозможную финансовую помощь и привилегии в надежде, что беженцы смогут усилить их экономику, создав новые сектора производства и распространив свои навыки среди остального населения» [8, р. 410]. Сам У. Сквилл отмечает распространение первым поколением переселенцев новых для Англии технологий в текстильной отрасли, которая в дальнейшем стала локомотивом Промышленной революции.

«Невеберинское» объяснение особой роли квакеров в индустриализации Англии через институт Ежемесячных собраний предлагает Питер Джонс (род. в 1949), профессор Бристольского университета [9, р. 20]. Данный руководящий орган общины отвечает за управление своими прихожанами, включая членство и браки, а также за имущество собрания. По мнению П. Джонса, «запрет на браки за пределами общины и всепроникающая дисциплина Ежемесячного собрания привели к созданию квакерских династий – особенно в тех секторах, где необходимы крупные финансовые вложения со всеми сопутствующими рисками. В условиях неограниченной ответственности в бизнесе поиск капитала среди единоверцев был наиболее безопасной опцией, а Собрания предоставляли готовую схему для этого» [9, р. 21].

Таким образом, религиозные диссиденты (в Англии XVIII в. особенно выделялись в этом плане квакеры) были предрасположены к предпринимательской деятельности, а протестантская трудовая этика и особенности функционирования общин делали их чрезвычайно успешными в данном призвании. Более того, после отмены Нантского эдикта волна переселенцев-гугенотов способствовала нивелированию отставания Великобритании в некоторых областях технического знания от ведущих стран Континентальной Европы.

Не был случайным тот факт, что завершение Научной революции XVI–XVII вв. проходило в протестантских странах Западной Европы. Американский социолог Роберт Кинг Мертон (1910–2003) углубился в проблему взаимосвязи между Реформацией и возникновением современной науки в Англии. Он отмечает как сильнейшее влияние религиозного неконформизма на взгляды и жизнь основателей Лондонского королевского общества, так и религиозную санкцию на научную деятельность: «изучение

природы позволят в большей степени оценить Его труды и, таким образом, ведет нас к почтению перед силой, мудростью и добродетелью Бога, запечатленных в Его творении» [10, р. 10]. Анализ Р. Мертонa показал, что «позитивная оценка протестантами плохо замаскированного утилитаризма, мирских интересов, бескомпромиссного эмпиризма, права и даже обязанности свободного обсуждения, прямого личного сомнения в авторитете были близки по духу ценностям современной науки. И, возможно, прежде всего стоит поставить важность деятельного аскетического порыва, который неизбежно влек за собой исследование природы, чтобы установить над ней контроль» [10, р. 29–30].

Достижениями Научной революции XVI–XVII вв. было обусловлено основное изобретение Промышленной революции – паровой двигатель. В основе двигателя Ньюкомена, а затем и Уатта лежит «открытие того, что у атмосферы есть вес, а также что, сконденсировав пар, можно получить вакуум», сделанное учеными-экспериментаторами: «Галилеем, Торричелли, Отто фон Герике, Робертом Бойлем, Робертом Гуком, Христианом Гюйгенсом и Дени Папеном» [11, с. 19]. А «первые изобретатели газового освещения пользовались знаниями, техниками и инструментами, которые в большинстве случаев были созданы учеными в химических лабораториях» [12, р. 3]. Однако весомый вклад в технологический прогресс внесли опытные ремесленники без использования научного знания, такие как Джеймс Харгривз (создатель прялки «Дженни»), Эдмунд Картрайт (изобретатель механического ткацкого станка) и Абрахам Дарби (использование каменного угля при выплавке железа). Вместе с тем, косвенное влияние Научной революции на инновационность британской экономики в целом доказать удалось.

Так, еще в 1969 г. Альберт Массон и Эрик Робинсон, сотрудники Манчестерского университета, в книге «Наука и технология в Промышленной революции» показали, что для XVIII в. между научным и прикладным знанием не было четко очерченной границы. «Многие ученые и технологи были заинтересованы и в знании, и в действии: научное знание улучшало технологию, а технологические исследования приводили к прорывам в науке» [13, р. 5]. Во многом взаимодействие между научным сообществом и производителями было обеспечено необычайной популярностью научных обществ, где «принцы могли сесть у ног лекторов-самоучек, вроде Адама Уолкера и Джеймса Фергюсона; великие землевладельцы, вроде Шелбернов и Эджертонов, обсуждали инженерию и практику производства с бизнесменами и полуграмотными кустарями; инструменталист и технический автор могли встретиться в философском клубе, и их слушали люди намного более крупного богатства и более высокого социального положения» [13, р. 59]. Таким образом, важнейшее влияние оказали не только сами научные открытия, но и принцип нахождения и применения в производстве прикладного

знания, которым была пронизана английская и шотландская культура раннего Нового времени после Научной революции.

Более тщательное исследование возникновения и развития принципа нахождения и применения в производстве прикладного знания сделала Кристин Маклауд, профессор Бристольского университета, в книге «Изобретая Промышленную революцию: английская патентная система, 1660–1800 гг.» (1988). Проанализировав доступные научные и публицистические труды, написанные в Англии раннего Нового времени, автор делает следующий вывод: «дискуссии об изобретениях в XVII в. были редкими и велись преимущественно в терминах метафизики; в XVIII в. они стали уже сравнительно многочисленными, и их контекст был все более экономическим» [14, р. 201]. Причины этому она видит в первую очередь в относительной секуляризации мышления и Научной революции: «ограничив божественное вмешательство к первоначальному “заведению часов”, ньютоновская картина мира повысила человечество от всего лишь исполнителя божественного провидения до рационального манипулятора природой» [14, р. 202]. Таким образом, К. Маклауд показала: «англичане позднего XVIII в. верили, что живут в “эпоху открытий”, “научную эпоху”» [14, р. 222], а значит, всплеск изобретательской активности во время Промышленной революции был не только реакцией на экономическую конъюнктуру, но и сознательной попыткой построить экономику, соответствующую новым знаниям. Схожую гипотезу выдвинул профессор Северо-Западного университета (США), а позже Тель-Авивского университета (Израиль) Джоэль Мокир, (род. в 1964), окончательно оформивший свою концепцию в книге «Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция, 1700–1850 гг.» (2009). По его мнению, «Британия стала лидером Промышленной революции потому, что больше чем любая другая страна Европы была способна воспользоваться преимуществами своего фонда человеческих и материальных ресурсов благодаря великой синергии Просвещения: сочетания бэконовской программы в полезном знании и осознания, что лучшие институты обеспечивают лучшие стимулы» [15, р. 132]. Британское Просвещение развивало «программу великого восстановления наук» философа Френсиса Бэкона (1561–1626). Среди прочего, она ставила задачу «заставить экономику производить больше благ и, таким образом, увеличить то, что современные экономисты назовут благосостоянием» [15, р. 40]. В связи с этим Дж. Мокир упоминает «идею полезного знания, которая дала людям власть над природой, а не только над другими людьми» [15, р. 44–45]. Опять же прослеживается идея власти над природой, которую отмечал ещё Р. Мертон. Исследователь британского Просвещения Рой Портер так описывал влияние идеи прогресса на высшее общество: оно «помешалось на новизне. Ландшафты, сады, фабрики, манеры, вкусы, искусство и литература – обо всем этом говорили в контексте “улучшения”» [16, р. 343]. То есть

улучшение методов производства было среди широко обсуждаемых элитой тем. Если же говорить о распространении подобных воззрений среди более широких слоев общества, то Дж. Мокир утверждает следующее: «нельзя доказать влияние культурных и социальных изменений Просвещения на всех изобретателей, но число таких людей постепенно росло» [15, р. 72]. За данной традицией приумножения и распространения прикладного знания в литературе закрепился термин «промышленное Просвещение» [17; 18]. Примером распространения идей «Века Разума» среди производителей Дж. Мокир называет Смитонское или Лунное общество, которые включало в себя: «профессиональных инженеров, как сам Смитон и его продолжатель Уильям Джессоп; сильно заинтересованных в технологических вопросах бизнесменов, как Мэттью Болтон и Джозайя Веджвуд; действительно квалифицированных работников, как производители инструментов, землемеры и схожие технические эксперты» [15, р. 66]. Важная особенность данной организации состоит в том, что значительная часть его членов не была представителями Англиканской церкви [9, р. 16], что опять же свидетельствует об особой роли религиозных диссидентов в возникновении Промышленной революции.

Еще одной культурной предпосылкой для Промышленной революции являются изменения в экономическом поведении домохозяйств на протяжении раннего Нового времени – потребительская и трудолюбивая революции. Потребительской революцией называют период в истории Англии между началом XVI и серединой XVIII вв., когда наблюдался рост потребления предметов роскоши людьми различного экономического и социального положения, а также их разнообразия. При этом, «потребительский спрос рос, даже когда реальная заработная плата снижалась» [19, р. 255]. Таким образом, рост потребления был обусловлен культурными, а не экономическими факторами. Ян де Фрис, профессор Калифорнийского университета нидерландского происхождения, предложил в 1990-х концепт трудолюбивой революции, чтобы объяснить потребительскую революцию в бедных по современным меркам обществах. По его расчетам, «множество домовладельцев сделали решение увеличить одновременно и предложение доступных на рынке товаров и труда, и спрос на рыночные товары. Комбинация изменений в поведении домохозяйств составила трудолюбивую революцию» [19, р. 255], которая обеспечила спрос на товары, а Промышленная революция – их предложение.

Отдельные исследователи утверждают, что Промышленная революция была обусловлена прежде всего революцией потребительской. Так, профессор Уорикского университета Максин Берг (род. в 1950) сделала следующий вывод о её причинах и последствиях: на протяжении XVII и XVIII вв. «Европа отреагировала на торговлю с большей частью света; изобретение, производство и потребление новых европейских и особенно британских то-

варов спровоцировали изменения в технологии, использование новых материалов и форм энергии, реорганизацию рынка труда, которые стали Промышленной революцией» [20, р. 327]. Безусловно, не стоит переоценивать изменение потребительского поведения и игнорировать другие факторы. Вместе с тем, оно было важной предпосылкой для индустриализации, обеспечив необходимый спрос на новые товары в больших объёмах, а значит и на новые технологии.

Таким образом, в Великобритании раннего Нового времени сформировалась уникальная культурная традиция, которая своими корнями уходит в Реформацию. Относительная толерантность английского общества позволила представителям конфессиональных меньшинств воплотить свои стремления и использовать навыки в области инновационного предпринимательства. В «Век Разума» идеи британских религиозных диссидентов и представителей Научной революции стали основой для новой социокультурной атмосферы. В литературе она получила название «промышленное Просвещение» и заключалась в стремлении интеллектуальной элиты создавать и распространять не только научное, но и прикладное знание. При помощи прикладного знания представители промышленного Просвещения стремились адаптировать британскую экономику под требования «научной эпохи», что в сочетании со спросом на технологии, экономящие труд и позволяющие массово производить новые товары, привело к Промышленной революции.

Список использованных источников

1. *Космач, П. Г.* Переосмысление роли религиозного фактора в историографии истории стран Запада Нового времени / П. Г. Космач // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2013. – Вып. 8. – С. 131–137.
2. Новая история стран Европы и Америки. XVI–XIX века: в 3 ч.: учеб. для студентов вузов / А. М. Родригес [и др.]; под. ред. А. М. Родригеса, М. В. Пономарева. – М.: Гуман. изд. центр ВЛАДОС, 2010. – Ч. 1. – 528 с.
3. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–344.
4. *Tawney, R. T.* Religion and the Rise Of Capitalism / R. T. Tawney. – London: John Murray, 1922. – XXIV + 339 p.
5. *Sanderson, S. K.* Testing the Protestant Ethic Thesis with Quantitative Historical Data: A Research Note / S. K. Sanderson, S. A. Abrutyn, K. R. Proctor // Social Forces, 2011. – Vol. 89, № 3. – P. 905–911.
6. *Delacroix, J.* A Beloved Myth: Protestantism and the Rise of Industrial Capitalism in Nineteenth-Century Europe / J. Delacroix, F. Nielsen // Social Forces, 2001. – Vol. 80, № 2. – P. 509–553.

7. *Grytten, O. H.* Weber Revisited: A Literature Review on the Possible Link Between Protestantism, Entrepreneurship and Economic Growth [Electronic resource] / O. H. Grytten // openaccess.nhh.no – Mode of access: <https://openaccess.nhh.no/nhh-xmlui/handle/11250/2657268> – Date of access: 28.01.2022.

8. *Scoville, W. C.* The Huguenots and the Diffusion of Technology / W. C. Scoville // *Journal of Political Economy*. – 1952. – Vol. 60, № 5. – P. 392–411.

9. *Jones, P. M.* Minorities and the Culture of Science and Technology. A Case Study of Birmingham Dissenters, 1760–1820 [Electronic resource] / P. M. Jones // journals.openedition.org. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/dht/989>. – Date of access: 28.01.2022.

10. *Merton, P. K.* Puritanism, Pietism and Science / R. K. Merton // *The Sociological Review*, 1936. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.

11. *Аллен, П.* Британская промышленная революция в глобальной картине мира / пер. с англ. Н. В. Автономовой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. – 448 с.

12. *Tomory, L.* Progressive Enlightenment: The Origins of the Gaslight Industry, 1780–1820 / L. Tomory. – London: The MIT Press, 2012. – 348 p.

13. *Musson, A. E.* Science and Technology in the Industrial Revolution / A. E. Musson, E. Robinson. – Manchester: Manchester University Press, 1969. – 534 p.

14. *MacLeod, C.* Inventing the Industrial Revolution: The English Patent System, 1660–1800 / C. MacLeod. – New York: Cambridge University Press, 1988. – XII + 302 p.

15. *Mokyr, J.* The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution, 1700–1850 / J. Mokyr. – London: Penguin, 2009. – 848 p.

16. *Porter, R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World / R. Porter. – London: Penguin Books, 2001. – 768 p.

17. *Berg, M.* Useful Knowledge, “Industrial Enlightenment”, and the Place of India / M. Berg // *Journal of Global History*, 2013. – Vol. 8, № 1. – P. 117–141.

18. *Suenaga, K.* The «Industrial Enlightenment» and Technological Paradigms of the Modern Steel Industry [Electronic resource] / K. Suenaga // *Technology in Society*. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X19303355#bib28>. – Date of access: 28.01.2022.

19. *De Vries, J.* The Industrial Revolution and the Industrious Revolution / J. De Vries // *The Journal of Economic History*. – 1994. – Vol. 54, № 2. – P. 249–270.

20. *Berg, M.* Luxury and Pleasure in the Eighteenth-Century Britain / M. Berg. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 373 p.

(Дата подачи: 18.02.2022 г.)